

Е. П. Мартынова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОГАТСТВЕ У НЕНЦЕВ ЯМАЛА

Основой для написания работы послужили полевые материалы автора, собранные в 2008, 2011, 2012 гг. среди ненцев Тазовского и Ямальского районов Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в ходе проведения этнологических экспертиз по оценке влияния промышленного освоения на жизнь и культуру коренного населения региона. Предварительно необходимо отметить, что среди ненцев Ямала выделяются три группы: 1) кочевники-оленоводы, постоянно кочующие с оленьими стадами и ведущие традиционный образ жизни; 2) полукочевые рыболовы, проживающие вне постоянных поселений и сохраняющие многие элементы ненецкой культуры (в отличие от постоянно кочующих оленеводов, они меняют место жительства 3–4 раза в году); 3) поселковые жители — представители коренного населения, которые живут в поселках, большая часть из них занята вне традиционных отраслей хозяйства и утратила многие элементы ненецкой бытовой культуры и родной язык. Эти группы различаются не только по степени сохранения родной культуры и языка, но и системой ценностей, жизненными устремлениями, отличия усматриваются и в представлениях о богатых и бедных.

Вопросы социальной дифференциации у ненцев мало исследованы в отечественной науке. По работе В. Ф. Зуева можно судить о том, что имущественное расслоение среди них существовало уже в конце XVIII в. Часть ненцев приобретала большое число оленей в ходе военных набегов, другие теряли из-за эпизодов. Малооленные поступали в «служение», то есть «нанимались в пастухи за оленями» [Зуев 1947: 35]. Судя по сведениям авторов XVIII–XIX вв., основным критерием имущественной

дифференциации у ненцев было количество оленей в стаде. Нарращивание поголовья расценивалось как обретение богатства, причем чаще всего это происходило во время работы по найму у русских оленеводов, которые выпасали оленей в тех же тундрах, что и ненецкие, а хозяева наведывались в стадо только раз в году. «Если такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не бояся нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет» [Там же: 36]. Существенных различий по другим показателям уровня благосостояния, таким как одежда, жилища, пища, среди ненцев не наблюдалось. «Платье... хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинаковое, однако тем они себя счастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякий бедный, коли никак промыслить не может, носит его до тех пор, пока не истлеет» [Там же]. Судя по заметкам В. Ф. Зуева, среди ненцев в конце XVIII в. существовали устойчивые представления о наличии бедных и богатых. «Самоедин... задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им равняться могут» [Там же: 48].

Нередко обедневшие (потерявшие оленей) семьи ненцев переходили к промысловому (угорскому) способу хозяйствования, оседали на побережье Оби, Обской губы, занимаясь преимущественно рыбной ловлей. Эти группы ненцев считались *хаби* (слово *хаби* у ненцев имеет разные значения: «иноплеменник», «пленник», «лесной житель», «работник», «раб»). Первоначально под *хаби* подразумевались люди, нанимавшиеся пастухами к оленеводам [Головнев 1988: 92], позже слово приобрело этнонимический смысл, и ненцы стали так называть жителей таежной зоны — хантов, манси, селькупов, кетов [Народы Западной Сибири 2005: 458]. Название *хаби* указывает на более низкий статус рыболовов и охотников тайги по сравнению с кочевниками-олeneводами тундры. В ненецком фольклоре богатые и бедные изображаются как представители различных хозяйственно-культурных типов. Бедняк описывается как рыболов и охотник на мелкую дичь, которую можно ловить при помощи простейших орудий, а богач — как оленевод. Показателем престижа и богат-

ства среди ненцев в прошлом было многоженство, о чем писали многие исследователи [Иславин 1847: 126; Шренк 1855: 727; Житков 1913: 216]. Помнят об этом и современные информанты: «Раньше многоженство было только у богатых. Бедный человек не мог позволить себе две жены иметь» [ПМА 2012].

По сведениям Л. В. Хомич, у ненцев существовали коллективные объединения *парма* для совместного выпаса оленей и занятий промыслами. Ненец, имевший две-три тысячи оленей, принимал к себе в *парму* бедняков (родственников, соседей), имевших 50–60 оленей. Каждый член такого объединения пас оленей по очереди, независимо от того, у кого сколько оленей. Во время рыбной ловли или охоты больше продукции доставалось хозяину, владевшему орудиями промыслов, в некоторых случаях добыча распределялась «по потребностям» — в зависимости от размера семьи [Хомич 1995: 169]. Не стоит усматривать в институте *парма* скрытые формы эксплуатации [Броднев 1950: 351], скорее здесь можно говорить о нормах социальной ответственности богатых перед бедными. Состоятельные помогали малоимущим в поддержании традиционного для ненцев жизненного цикла — *каслани*, так как кочевать с малым числом оленей невозможно. Помощь в промыслах была не менее значимой для обеспечения семей бедняков продовольствием. Забота о родственниках и соседях, без сомнения, повышала авторитет богатых семей. Согласно традиционным представлениям, богатый человек (*тэтто* — «оленный») — это благополучный, здоровый, многодетный, щедрый. Бедные *мангдада* не имели высокого социального статуса.

Оленеводство всегда считалось у ненцев самым главным и социально значимым занятием. В этом обнаруживается сходство с другими скотоводческими культурами. Представления о том, что состоятельность человека определяется наличием у него крупного стада оленей, сохраняются в системе ценностей ненцев до сегодняшних дней. Именно оленьим поголовьем определяется уровень благосостояния человека, его преуспевание в жизни. Приведу типичные высказывания: «У кого оленей больше, тот богаче» [ПМА 2008]; «Оленеводы всегда богаче, чем рыбаки.

Оленеводом быть почетно» [ПМА 2011]; «Оленеводы — богатые. Кто бедный, тот переходит на оседлый образ жизни» [ПМА 2012].

Современные оленеводы не только демонстрируют большую приверженность традиционному образу жизни, но и сохраняют самобытную систему ценностей. Они воспринимают жизнь с оленями как наилучшую, комфортную, интересную. Типичные высказывания оленеводов: «В оленеводстве жизнь лучше, чем в рыболовстве. Свободы больше. Куда хочешь — туда едешь. Природа красивая кругом» [ПМА 2011]. «В оленеводстве хорошо, круглый год человек с женой и детьми, никуда от них не уезжает» [ПМА 2008]. Причем приверженность оленеводству как образу жизни демонстрируют и молодые оленеводы. Для оленеводов понятия «денежный» и «богатый» неоднозначны: «Деньги любой, кто захочет, может заработать и будет с деньгами, а богатый — тот, у кого оленей много» [ПМА 2012]; «Деньги зарабатывают на рыбе, а наше богатство — олени. Деньги для нас не так важны. Рыбу можно поймать, а оленя — нет» [ПМА 2012]; «Для ненцев деньги — как вода. Долго не задерживаются, протекают сквозь пальцы» [ПМА 2012].

Традиционные представления о богатстве дополняются новыми суждениями. Олени оцениваются как капитал: «Олени у нас как сберкнижка. Если что нужно купить серьезное — забиваем на мясо и продаем» [ПМА 2012]. Многие оленеводы считают, что продавать живых оленей можно только в тяжелой жизненной ситуации. «Мы оленей не продаем, это же наше богатство. Это только в крайнем случае. Один мужик в Гыде продал оленей и купил квартиру. Теперь у него оленей мало, он бедный. На мясо сдавать — это другое дело. На мясо продаем оленей, рыбу тоже продаем, деньги выручаем, потом покупаем то, что надо» [ПМА 2012].

Для собственного потребления ненцы обычно забивают 2–3 оленя зимой и 2–3 оленя осенью (осенние шкуры оленей требуются для пошива одежды). В стаде из 100–150 оленей дополнительно на продажу забиваются 5–6 оленей, но только при необходимости, когда нужны деньги для закупки продуктов на несколько месяцев или для приобретения дорогостоящей техники (напри-

мер, снегохода) [ПМА 2011]. Если нужно получить крупную сумму денег, оленеводы забивают оленей исходя из расчета, что на забой можно пустить не более 1/10 части стада. «Если деньги надо будет — пару оленей забиваю. Можно сдать по 160 руб. за килограмм, еще лучше — по 200 руб. частникам продать. Олень дает мяса 50–60 кг, значит — выручаешь 8–10 тыс. Двух оленей забил — 20 тыс., а можно и больше, если хорошо продать. Вот и отоварился» [ПМА 2012].

Поголовье домашних оленей у тундровых оленеводов варьирует от нескольких десятков до нескольких тысяч голов в связи с природным фактором: чем севернее — тем больше численность оленьего поголовья. В такой же «географической зависимости» находятся и представления о богатых и бедных. Например, в Гыданской и северной Ямальской тундре богатым оленеводом считается тот, у кого более 1500 голов скота, владелец тысячного поголовья слывет зажиточным, стадо в 200–300 голов относят к бедным. В Тазовской и центральной Ямальской тундрах богатыми считаются владельцы стада в 300–500 голов, наличие поголовья в 200–300 оленей считается нормальным («ни бедный, ни богатый, состоятельный»). С таким поголовьем семья может удовлетворять потребности в мясе, оленьих шкурах (на изготовление одежды, покрышек для чума, постели) и иметь необходимое число ездовых быков для транспортировки 10–20 нарт без сокращения имеющегося поголовья. С возможностью самостоятельного *каслания* информанты связывают благополучие семьи: «Если 40 ездовых быков есть, уже можно каслать самостоятельно, тогда семья хорошо живет» [ПМА 2012].

С поголовьем численностью менее 100 голов в тундре семья жить не может. По всеобщему признанию, такие семьи относятся к категории бедняков. Они вынуждены отдавать своих оленей на выпас другим пастухам и заниматься другими, менее престижными видами деятельности. Поэтому небогатые оленеводы стремятся уменьшить число забиваемых оленей, обеспечивать себя и оленегонных пастушьих собак пищей за счет других источников, прежде всего рыболовства, сохраняя, таким образом, поголовье оленей. Информанты говорят: «Мы без рыбы, без мяса не можем.

Если рыбы не будет, придется оленей забивать. Жалко. Когда рыбу поймал — олень на улице живой гуляет» [ПМА 2011].

Сегодня в тундрах ЯНАО существуют разные формы организации оленеводства — оленеводческие предприятия (бывшие совхозы, такие стада до сих пор считаются «совхозными»), личное или частное оленеводство и общинное. Среди ненцев распространено представление о том, что «личники» являются более состоятельными по сравнению с работниками совхозов. «Личники, они в основном богатые, не хотят в совхозе работать. Если оленей много — можно самим *каслать*» [ПМА 2008]; «У кого оленей много, в пастухи совхозные не идут, им своих оленей хватает, они зажиточные» [ПМА 2012]. Пастухи из совхозных бригад не всегда согласны с тем, что «личники» богаче: «Некоторые *личники* вообще бедно живут. Вертолет к ним не летает, только за детьми и панты когда собирают. Бедные *личники*, наверно, все бы хотели в совхозе работать» [ПМА 2011].

Размер оленьего поголовья, без сомнения, является важнейшим показателем богатства, а вместе с ним и высокого социального статуса среди оленеводческого населения. Оленеводы круглогодично живут в чумах, почти никто из них не имеет другого жилья, хотя многие хотели бы получить квартиры в поселке. Несмотря на желание иметь стационарное жилье, факт наличия квартиры не входит в рамки представлений об обеспеченной жизни. Во всяком случае никто из опрошенных информантов-оленеводов не связывал обладание жилой площадью с отнесением к категории богатых людей.

В последние годы среди оленеводов набирает популярность новый вариант зимнего жилища — балок на полозьях, приспособленный для перевозки упряжкой из 6–8 оленей. Про такое жилище говорят, что оно удобно прежде всего тем, что не требует, в отличие от чума, постоянной установки и разборки, быстро обогревается. Наличие зимнего балка считается показателем обеспеченности семьи. Молодые семьи стремятся как можно быстрее обзавестись таким домом.

Современный быт кочевников уже невозможно представить без использования бытовой техники, в частности сотовых и спут-

никовых телефонов, портативных бензиновых электростанций, телевизоров, DVD-проигрывателей и др. Все это используется в основном в зимний период, так как на легких летних нартах тяжело перевозить электростанции, а без электричества приборы не работают. Наличие в семье такой современной техники не считается показателем богатства, хотя и повышает ее престиж. В то же время некоторые информанты считают, что в современных условиях богатством для ненцев является «то, что движется» — снегоходы, моторные лодки и т.п.: «Ненецкое богатство — оно с ногами» [ПМА 2012]. Престижным среди тундровиков считается иметь импортный лодочный мотор “Yamaha” или “Suzuki”, а также зарубежные модели снегоходов “Yamaha” и “Scandic”. Нужно отметить, что в зимнее время оленеводы пользуются оленьими упряжками в основном при перекочевках, а для осмотра стада и дальних поездок чаще применяют снегоходы.

Как уже упоминалось, обедневшие пастухи в прошлом переходили к занятию рыболовством. В наши дни такое тоже случается: «У нас оленей стало мало, пришлось перейти в рыбаки. Что делать-то? Без оленей *каслать* не будешь» [ПМА 2012]. Довольно часто это расценивалось лишь как вынужденная временная форма деятельности — многие ненцы стремились, накопив необходимые средства, вновь «подняться в оленеводство». В наши дни ситуация изменилась. Семьи рыболовов ведут полукочевой образ жизни, среди них есть работники рыбозаводов и нетрудоустроенные «частники», живущие за счет сбыта рыбы (часто нелегального). И те и другие обеспечивают себя преимущественно за счет денежных средств (зарплата и выручка от легальной сдачи на рыбозавод и в общины или нелегальной продажи рыбы). Подавляющее большинство рыболовов имеет небольшие стада личных оленей (несколько десятков, реже — сотен голов). Рыболовы признают, что важным показателем ненецкого богатства является численность личного поголовья оленей, однако в реальной жизни нередко руководствуются другими представлениями о богатстве.

Поскольку семьи рыбаков *каслают* 3–4 раза в год, многие из них на летних стойбищах приобретают и обустраивают балки, в которые покупают мебель. Наличие обустроенного «на совре-

менный манер» балка служит значимым показателем обеспеченности семьи. Десять–двадцать лет назад мечтой рыболова была покупка импортного лодочного мотора, который служил мерилем благосостояния и семейного престижа. Сейчас импортные моторы встречаются чаще, чем отечественные. Нужно также отметить, что практически в каждой семье имеются генератор, телевизор, у рыбаков разнообразный рацион питания, который за счет покупных продуктов приближен к поселковому. Среди рыболовов сохраняются традиционные ненецкие представления о богатстве «У нас на участке почти у всех импортные лодочные моторы. Это уже не показатель богатства. Любой, кто захочет, может много денег заработать. Но богатый — у кого олени» [ПМА 2012]. В то же время можно услышать такие суждения: «У рыбаков кто больше зарабатывает, тот и богатый. Тот может многое купить» [ПМА 2012]. Меняются и представления о престижности рыбацкой работы: «Раньше из оленеводов переводили в рыбаков как наказание. А сейчас трудно устроиться в рыбаки на постоянную работу, так как на рыбе можно хорошие деньги заработать, если не пить» [ПМА 2012].

Между рыбаками и оленеводами сохраняются традиционные связи, выражающиеся в обмене продукцией. Оленеводы выпасают стада малооленных сородичей или соседей и поставляют им мясо. Каждый владелец оленей, отдавший животных на выпас, материально поддерживает своего пастуха. Это может выражаться как в небольших денежных суммах, так и в предоставлении продуктов (чай, сахар, консервы, конфеты и пр.). Рыбаки передают оленеводам рыбу в значительных количествах, так как она нужна для употребления в пищу и на корм собакам. В случае, когда олени отданы на выпас близким родственникам, оленеводы, кроме материальной поддержки, часто получают физическую помощь в процессе разделения стада и забоя оленей. Среди тундровиков существуют устойчивые «расценки» на продукцию: за мясо одного оленя рыболовы дают оленеводам 1–2 нарты рыбы (или 4–6 мешков), за качественную оленью шкуру полагается отдать 2 мешка рыбы [ПМА 2012]. Можно утверждать, что для полукочевых рыболовов рыба имеет важное товарное значение, явля-

ьясь главнейшим источником получения денежных средств и предметом натурального обмена. По признанию информантов, «рыбаки сейчас живут лучше оленеводов, зажиточнее». Приведем типичные высказывания: «У рыбаков денег больше. Хорошая зарплата для рыбака — 150–200 тыс. руб. за сезон, то есть 50 тыс. в месяц. Для них это большие деньги. Они могут многое из техники купить и одежду. Кто хорошо работает, покупает»; «Оленеводы всю жизнь богаче считались, а сейчас рыбаки лучше обеспечены. У них балки лучше благоустроены. Они имеют генераторы, телевизор, мобильнее телефоны. Они детей лучше обеспечивают» [ПМА 2012].

Жители тундры понимают, что грань между «богатыми» оленеводами и «бедными» рыбаками подвижна. Оленевод, потеряв значительное поголовье оленей, может стать рыбаком, а рыбак может купить оленей и стать оленеводом. В наши дни среди пастухов много выходцев из семей рыболовов, а среди рыбаков — из оленеводов. Можно сказать, что как традиционно, так и сейчас ненецкое оленеводство и ненецкое рыболовство находятся в тесной взаимосвязи.

Другая система ценностей утверждается среди поселковых ненцев. Для них понятие «богатый» означает прежде всего «денежный». Уровень благосостояния определяется размером заработной платы, социальным статусом, а также качеством жилья, машины и т.п. Среди поселковых немало владельцев небольших оленьих стад, которые чаще всего достались им в наследство от родителей. Большинство ненцев, проживающих в поселках, знают, что в прошлом главным показателем богатства у ненцев был размер оленьего стада. В повседневной жизни они придерживаются общераспространенных представлений. В условиях рыночной экономики и интенсивного промышленного освоения коренные жители Ямала все чаще сталкиваются со способами измерения богатства, распространенными в другой социальной среде, что приводит к трансформации их представлений о разделении людей на богатых и бедных. «Отступление» от ненецких стереотипов зависит от степени вовлеченности в рыночные отношения и следования традиционному образу жизни.

Источники

ПМА 2008 (Ямальский р-н ЯНАО).

ПМА 2011 (Тазовский р-н ЯНАО).

ПМА 2012 (Тазовский р-н ЯНАО).

Библиография

Броднев М. М. От родового строя к социализму (по материалам Ямало-Ненецкого округа) // СЭ. 1950. № 1. С. 92–106.

Головнев А. В. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 86–101.

Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913.

Зуев В. Ф. Описание живущих в Сибирских губерниях в Березовском районе иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772) / ТИЭ. М., 1947. Т. V.

Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. М., 2005.

Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1995.

Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам в 1837 г. СПб., 1855.

Abstract

The article deals with Nenets' ideas about wealth. The field data collected during the ethnological examination at Yamal-Nenets Autonomous Area has formed the basis of this report. The reindeer breeders believe that riches are defined by the size of their herd of the reindeers. The sedentary Nenets who constantly live in the villages consider that «a rich man» is “a man of means”. The ideas about wealth of semi-nomad Nenets i.e. fishermen are changing now from traditional system of values to modern system.